

П.Ш. Габдрахманов

ОБЫЧАИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ ВО ФЛАНДРИИ
ПО РОДОСЛОВНЫМ ОПИСАНИЯМ
АЛТАРНЫХ ТРИБУТАРИЕВ

УДК 94(4)“375/1492”

929.52:81'373.232

929.521

930.253

В статье на примере использования матрилинейных родословных для изучения по их материалам семейных обычаев имянаречения в среде алтарных трибутариев из средневековой Фландрии ставится проблема информационных возможностей средневековых источников для исследования по ним истории повседневности.

Ключевые слова: Имянаречение, древнегерманские и христианские имена, семья, родословные, алтарные трибутарии, средневековая Фландрия.

Key words: Name giving, Germanic names, Christian names, family, genealogies, *tributarii*, medieval Flanders.

Может показаться, что сама постановка вопроса о возможности изучения истории повседневности Средневековья содержит в себе некоторый элемент лукавства. В самом деле, мы ведь хорошо знаем, что история повседневности Средневековья не только возможна, но она уже давно существует. Разумеется, я имею в виду не те, все более и более множасьщиеся *популярные* работы, написанные на потребу широкой публики, в которых зачастую лишь обозреваются предметы обихода или просто описываются нравы и обычаи в ту или иную средневековую эпоху. Я веду речь о вполне серьезных *проблемных* работах, в которых повседневная обыденность выступает в качестве одного из *инструментов* исследования и способов проникновения прежде всего во внутренний мир и “картину мира” средневекового человека¹.

Вероятно, поставленный вопрос следует интерпретировать несколько иначе: “Какая история повседневности Средневековья нам желательна и возможна ли она?” Вряд ли она возможна в той же самой мере как, например, в большинстве работ наших коллег историков Нового и Новейшего времени, этнологов, социологов, культурологов, о которых упоминает в своих – всем нам хорошо известных – обзорах Н.Л. Пушкарева². Почти все анализируемые ею работы относятся к более поздним периодам истории, есте-

ственно, гораздо лучше, чем Средневековье, обеспеченным источниками. Хотя вопросы, над которыми задумываются их авторы, видимо, не следует упускать из виду и медиэвистам. В этой связи не лишним будет напомнить, что сама история повседневности некогда во многом выросла, как известно, из этнологии, в чем уже давно признался один из родоначальников истории повседневности Средневековья Жак Ле Гофф³.

Однако вопрос о возможности изучения истории повседневности Средневековья может показаться еще более лукавым и по другой причине. Ясно, что его постановка в предлагаемой форме *уже ее подразумевает*. Можно сомневаться в результатах проведенного исследования. Они действительно часто непредсказуемы. Но сама *возможность изучения* наших источников на предмет пригодности их использования по данной теме непререкаема. Поэтому сформулированный таким образом вопрос можно трактовать и как постановку *особой проблемы* информационных ресурсов средневековых источников, и, исходя из них, корректировки методов их изучения по интересующей нас теме.

Попытаюсь пояснить свою мысль, опираясь на собственный исследовательский опыт. Многим из присутствующих известно, что я уже не один год занимаюсь изучением родословных алтарных трибутариев в средневековой Фландрии. Алтарными трибутариями (*tributarii, sanctuarii, servi (homines) ecclesie, familiares, (cero)censuales*) становились либо члены (главным образом, женщины) свободных, нередко даже знатных, семей, отдавая себя под покровительство святого патрона монастыря или кафедрального собора (фактически же аббата или епископа), либо в них превращались сервы в ходе акта их освобождения и жертвования святому их светскими сеньорами. Продолжая жить в миру, алтарные трибутарии были обязаны Церкви ежегодной уплатой небольшого личного взноса (*capitalis census, capitagium*), который не превышал нескольких денариев, а также выплатами брачной пошлины (*vadimonium, badimonium*) за разрешение на брак (*pro licentia maritali*) и посмертного побора (*mortua manus*), т.е. налога на наследство. Они находились под исключительной юрисдикцией (*advocatia*) и защитой (*mundeburdo, defensio*) аббата или епископа и пользовались широкими налоговыми привилегиями. Их отличал также особый порядок наследования ими статуса: строго по материнской линии или, следуя буквальной формулировке средневековых текстов, “*per ventrem*” (“по утробе”). Вот почему их учет преимущественно осуществлялся в виде составления для них своеобразных матрилинейных родословных⁴.

Используя эти родословные алтарных трибутариев, я попытался проанализировать традиции имянаречения в их семьях. Связь данного сюжета о семейных обычаях выбора имени с историей повседневности очевидна. Неслучайно и Ю.Л. Бессмертный называл его, как и всю вообще сферу частной жизни, “наиболее повседневным”⁵. Меня интересовал в связи с этой темой следующий круг основных вопросов:

- выбору каких имен средневековая фламандская семья отдавала предпочтение;
- насколько свободны были родители в выборе имени для своего ребенка;
- какими резонами они руководствовались и под влиянием каких стереотипов они находились или каким “автоматизмам” подчинялись, выбирая то или иное конкретное имя.

Казалось бы, избранные мной источники – матрилинейные родословные алтарных трибутариев – сулили достаточно нетривиальные результаты. И мне действительно удалось по ним кое-что узнать⁶. В частности, выяснилось, что вплоть до XIII века средневековые фламандцы продолжали отдавать предпочтение выбору для своих детей имен *древнегерманского* происхождения, смысловое значение которых отражало – как это ни покажется странным для XIII в. – “варварскую” шкалу ценностей⁷. *Христианские*, библейские имена и имена общехристианских святых и мучеников появляются у них сравнительно поздно, лишь с конца XII – начала XIII в., и получают более или менее заметное распространение только в XIV в. Что же касается имен наиболее почитаемых *местных* святых, то эти имена среди них и вовсе парадоксальным образом так и остались исключительно редкими. Все это означает, что вмешательство Церкви во внутрисемейные традиции имянаречения в Средние века практически отсутствовало⁸, а христианизация сознания средневековых мирян в лице, – что выглядит весьма неожиданно – *алтарных* трибутариев⁹, на бытовом уровне у них не всегда даже себя проявляла¹⁰ и длительное время почти не затрагивала ту сферу их повседневной жизни, которая касалась обычаев имянаречения.

Однако все это не означало, что сами родители были совершенно вольны при выборе имени для своего ребенка. На этот выбор оказывал влияние ряд факторов.

Прежде всего он определялся принадлежностью семьи к той или иной *этнокультурной* общности. Неслучайно, как только что было отмечено, среди средневековых фламандцев – потомков салических франков – особым авторитетом пользовались

именно древнегерманские имена. Имели место и региональные предпочтения в выборе тех или иных имен жителями различных областей средневековой Фландрии. Очевидно, этот выбор соответствовал также и социальному статусу семьи. Он, естественно, также зависел и от степени *престижности* того или иного имени и “моды” на него. А вот фактор принадлежности семьи к той или иной монастырской *familia* – как это опять-таки ни странно звучит по отношению к алтарным *трибутариям*¹¹ – почти никак не сказывался на их имянаречении. Также явное влияние оказывал на их выбор имен фактор *соседства* внутри той или иной деревни. На него указывают отчетливо выраженные особенности в именниках жителей даже *близлежащих* селений. Эти различия в наборе наиболее часто избираемых ими имен свидетельствуют о том, что в каждом из этих поселений действовали какие-то свои собственные *внутриобщинные* обычаи имянаречения.

Но в наибольшей степени выбор имени определялся все-таки *внутрисемейными* традициями имянаречения. На этом вопросе я позволю себе остановиться чуть подробнее.

О самом бытовании таких семейных обычаев выбора имени говорят:

- существенные различия в подборе имен, предпочитаемых разными семьями при имянаречении детей даже в пределах одной и той же деревни;
- наличие у каждой из них круга наиболее часто повторяющихся из поколения в поколение определенных мужских и женских имен;
- эти имена, составлявшие, видимо, *семейный именной фонд*, при всем при том, не обязательно относились к числу самых распространенных, “модных” имен, а как раз наоборот, иногда могли принадлежать даже и к достаточно редким;
- порядок (“генеалогия”) наследования этих семейных имен (как правило, детьми – первенцами) позволяет предполагать, что в качестве основного “механизма”, определявшего этот порядок, выступал институт крестничества;
- в число самих крестных при этом избирались, в основном, кузины матери новорожденного и ее более старшие боковые родственники по женской линии.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что данные антропимические традиции проявляют себя не в патрилинейных, а в *матрилинейных* генеалогиях. Значит, несмотря на то, что средневековая женщина после свадьбы входила в семью своего мужа,

она, видимо, все же сохраняла семейную память и о своем собственном материнском роде, в котором продолжала поддерживать семейные традиции имянаречения.

Однако если само существование обычаев выбора имени у семей алтарных трибутариев вряд ли подлежит сомнению, то вот их *объяснение* и более детальная характеристика наталкиваются на источниковые трудности. Начать с того, что об упомянутых в этих родословных алтарных трибутариях нам практически ничего больше, кроме их имен, неизвестно. Предпринятая мной попытка выйти за рамки самих родословных и обратиться к другим документам, в частности, к грамотам, некрологам, к спискам вассалов и поместным описям тех монастырей, в которых те же самые алтарные трибутарии могли бы тоже упоминаться, пока, увы, не привела меня к каким-то более или менее значимым результатам. А отсутствие дополнительной информации об этих людях крайне затрудняет объяснение их антропонимических приоритетов. Само собой разумеется, что у меня нет никаких прямых сообщений о самих обстоятельствах их крещения и имянаречения. Поэтому приходится использовать другие аналогичные – и часто весьма скудные – свидетельства на эту тему или довольствоваться косвенными признаками, добытыми из самих родословных описаний.

Далее, говоря об этих родословных, я постоянно подчеркивал на всех коллоквиумах последних лет, в которых принимал участие, явную неполноту и своеобразие содержащихся в них описаний¹². Мы имеем дело с довольно странными и пока не вполне понятными текстами. Каждый из них, и все они в совокупности, сами по себе требуют сначала предварительного изучения и специального осмысления, без которого есть риск прийти к ложным выводам и сомнительным результатам.

Одним из ключевых вопросов в связи с этим представляется вопрос о том, а не отражена ли в этих родословных сугубо формальная, созданная монахами лишь в угоду своей административной прихоти линия происхождения принадлежавших им алтарных трибутариев, или речь в них все-таки идет о реальной, отчетливо сознающей общность своего происхождения и своего родства по материнской линии семейно-родовой группе? Иначе говоря, оправданно ли считать эти родословные одной из форм семейного *самосознания* и семейной *памяти* самих в них описанных алтарных трибутариев (в том числе и мужчин), или они представляют собой *фикцию*, выполнявшую сугубо утилитарную функцию учета алтарных трибутариев и контроля за ними со

стороны администрации того или иного монастыря, самими же алтарными трибутариями их собственные родословные рассматривались, в лучшем случае, лишь как правовой инструмент сохранения за собой и своими потомками своего, наследуемого ими по материнской линии, статуса и связанных с ним прав и привилегий? Как будто бы обнаруженные мной в этих родословных признаки бытования у описанных в них алтарных трибутариев характерных семейных обычаев имянаречения являются одним из свидетельств в пользу того, что мы имеем дело все же с некими реальными родовыми образованиями, внутри которых проявляли себя определенные признаки родового самосознания и семейной памяти их членов¹³.

Итак, чему же учит меня мой собственный исследовательский опыт? Задавая себе вопросы о каких-то проявлениях частной и повседневной жизни средневекового человека, мне редко удается находить в моих источниках прямые ответы на свои вопросы. В них все время ощущается недостаток точной информации, и я вынужден часто продвигаться окольными путями, применять к этим источникам какие-то особые подходы. Например, задавшись вопросом о внутрисемейных обычаях имянаречения, я столкнулся с необходимостью “перетряхивать”, сравнивая друг с другом, сотни родословных описаний алтарных трибутариев различных монастырей, а также и некоторые другие поименные описи средневековой Фландрии. А для того, чтобы узнать что-либо об организации повседневной работы средневекового писца или архивиста, мне пришлось по-новому “прочитать” написанные ими грамоты, не забывая при этом заглянуть и на оборотные стороны этих грамот, а также более тщательным образом и несколько под иным углом зрения рассмотреть оставленные ими картулярии и инвентарные описи¹⁴.

И при этом меня с особой остротой продолжают мучить вопросы:

- что же все-таки представляют собой сами эти документы;
- зачем и как они были созданы;
- насколько адекватно они отражают повседневную действительность;
- какие методы анализа к ним применимы.

Одним словом, именно в этом смысле, т.е. в качестве особой источниковой проблемы у меня практически нет сомнений в научной актуальности обсуждаемого вопроса: “Возможно ли изучение истории повседневности Средневековья?”

- ¹ Здесь я позволю себе выразить солидарность с А.Я. Гуревичем, некогда сопоставившего известные труды двух выдающихся историков – Фернана Броделя и Норберта Элиаса, и особо отметившего работу последнего именно за его умение “за вещами находить людей и за внешними манерами – психологическое содержание”. См.: *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа “Анналов”. М., 1993. С. 129.
- ² В своих статьях и обзорах она пытается определить содержание понятия, предмет изучения, исследовательские методы и подходы к истории повседневности в ее взаимосвязи и взаимодействии с другими дисциплинами. См.: *Пушкарёва Н.Л.* Предмет и методы изучения истории повседневности // *Этнографическое обозрение.* 2004. № 5; *Она же.* “История повседневности” и этнографическое исследование быта: расхождение и пересечения // *Glasnik Etnografskoga instituta SAN (Belgrad).* 2005. № LIII. Р. 21–34; *Она же.* “История повседневности” и “история частной жизни”: содержание и соотношение понятий // *Социальная история: Ежегодник.* 2004. М., 2005. С. 93–113; *Она же.* Предмет и методы изучения истории повседневности // Там же. 2007. М., 2007. С. 9–21; *Она же.* Повседневная жизнь в России: междисциплинарный подход // Там же. 2010. М., 2011. С. 359–368.
- ³ См.: *Ле Гофф Ж.* Историк и человек повседневный // Он же. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / пер. с фр. Екатеринбург, 2000. С. 202: “Новая история, сделавшись социологической, тяготеет к тому, чтобы стать этнологической”. См. также: *Гуревич А.Я.* “Новая историческая наука” во Франции: достижения и трудности (Критические заметки медиевиста) // *Он же.* История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005. С. 192: “В 60-е – 70-е годы... центр тяжести в целом явственно переместился к новым проблемам, что отразилось и на ориентациях историков на другие науки о человеке – на этнологию в первую очередь”.
- ⁴ См. подробнее: *Габдрахманов П.Ш.* Родословные трибутариев в средневековой Фландрии // *Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования.* 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти / отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2004. С. 61–77; *Он же.* Некоторые особенности правового статуса и социального самосознания средневековых алтарных трибутариев // *Социальная идентичность средневекового человека* / Отв. ред. А. А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М., 2007. С. 60–69.
- ⁵ См.: *Бессмертный Ю.Л.* Предисловие // *Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени* / под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 6–7.
- ⁶ См.: *Габдрахманов П.Ш.* Семейные традиции средневековых крестьян в отражении их родословных: (Фландрия XII в.) // *Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени* / под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 209–238; *Он же.* “Что в имени тебе моем?": Семья и имя во Фландрии XII–XIII вв. // *Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени* / под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 2000. С. 70–84; *Он же.* Средневековый зависимый в кругу своих предков и потомков // *Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы* / под ред. Ю.Л. Бессмертного и О.Г. Эксле. М., 2000. С. 42–63; *Он же.* Имя, семья и *familia* во Фландрии XII – XIII вв.: К вопросу о социальных рамках частной жизни средневекового просто-

людина // Средние Века. М., 2001. Вып. 62. С. 120–136; *Он же*. Имя и счастье в средневековой Фландрии // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002. Вып. 4 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. С. 26–44; *Он же*. Семейные обычаи имянаречения или о чем “молчали” генеалогии трибутариив в средневековой Фландрии” // *Homo Historicus: К 80-летию Ю.Л. Бессмертного*. М., 2003. Кн. 1. С. 677–711; *Он же*. Выбор имени в средневековой Фландрии (Некоторые предварительные итоги) // Именослов: Заметки по исторической семантике имени / сост. Ф.Б. Успенский. М., 2003. С. 201–208; *Он же*. Какими именами нарекали детей в Средние века: случай Фландрии // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. М., 2008. № 2 (58). С. 232–242; *Он же*. Образы власти в зеркале антропонимии алтарных трибутариив Фландрии XII–XIII вв. // Власть и образ: Очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. С. 74–80; *Он же*. XII век в “антропонимической революции” на территории средневековой Фландрии // Средние века. М., 2013. Вып. 74 (3–4). С. 78–89.

⁷ Как известно, древнегерманские имена представляли собой двучленные имена – композиты, состоявшие из двух самостоятельных лексем (Arn–ulf). Каждая лексема имела определенное смысловое значение (Arn – орел, ulf – волк). Смысл лексем (число которых было ограниченным) группировался вокруг ценностных понятий: “сила”, “власть”, “дружба”, “слава”, “доблесть” и др. При этом смысловая палитра мужских и женских имен несколько различалась. См. об этом подробнее: *Габдрахманов П.Ш.* Имя и счастье С. 32–39; *Он же*. XII век в “антропонимической революции...” С. 80–82.

⁸ Вплоть до середины XVI в., до известных решений Тридентского собора, предписавших приходским священникам жестко увязывать имя крестимого ими младенца с церковным календарем, выбор имени новорожденного оставался результатом свободного волеизъявления его близких, прежде всего родителей.

⁹ Ведь алтарный трибутариат можно рассматривать как одну из форм религиозной жизни средневековых мирян.

¹⁰ Почти как по Й. Хейзинге: “ужасающее повседневное безбожие...”, “жизнь народа текла в привычном русле поверхностной религиозности при весьма прочно укорененной вере”, “не отмеченный благоговением уют повседневного существования...”, “недостаточно христианизированное народное восприятие...” и т.п. – См.: *Хейзинга Й.* Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV–XV веках во Франции и Нидерландах / пер. с нидерл. М., 1988. С. 165; 191; 192 и др.

¹¹ Не входя непосредственно в число монашеской братии, алтарные трибутариив считались, тем не менее, “побратимыми” (*familiares*) с ней.

¹² См. подробнее: *Габдрахманов П.Ш.* “Открытая книга” или “Книга за семью печатями”? Загадки кодекса К 2556 (Регистр алтарных трибутариив аббатства св. Петра в Генте XIII века) // Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении. Сб. науч. ст. / отв. ред. М.С. Бобкова. М., 2011. С. 228–286; *Он же*. “Тронки – двойники” в регистре алтарных трибутариив аббатства св. Петра в Генте XIII века // Человек читающий: между реальностью и текстом источника. Сб. ст. / под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 23–58; *Он же*. Родословные алтарных трибутариив аббатства св. Петра в Генте *между* текстами грамот и регистра // От текста к реальности: (Не) возможности исторических реконструкций. Сб. статей / Под ред. О. И. Тогое-

вой и И. Н. Данилевского. М., 2012. С. 71–111; *Он же*. “Игры” со временем в родословных описаниях алтарных трибутариев XII–XIII веков из аббатства св. Петра в Генге // Ретроспективная информация источников: Образы и реальность: Сб. статей по материалам конференции / под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2013. С. 35–53.

¹³ См. подробнее: *Габдрахманов П. Ш.* Матрилинейные родословные церковных зависимых во Фландрии XII–XIII веков: мнимая реальность? // Восточная Европа в Древности и Средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV Чтения памяти В.Т. Пашуто: Материалы конференции. М., 2002. С. 41–45; *Он же*. Странная *origo* Бруны: О самознании алтарных трибутариев в Эно XIII века // Казус – 2005. М., 2006. Вып. 7. С. 307–328.

¹⁴ См. об этом: *Габдрахманов П.Ш.* Станный средневековый свиток. Загадки описания алтарных трибутариев в аббатстве св. Петра в Генге XIII века. М., 2012. Кн. I.

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Я. ГУРЕВИЧА

М.Л. Андреев

ГУРЕВИЧ VERSUS БАТКИН: СПОР ДВУХ ЭПИСТЕМОЛОГИЙ?..... 5-11

Л.М. Баткин

ЗАМЕТКА О ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К КУЛЬТУРНЫМ
ТЕКСТАМ 12-17

М.Ю. Парамонова

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: МИССИЯ КАК ДОЛГ И КАК
ЛИЧНЫЙ ВЫБОР 18-65

IMITATIO CHRISTI В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ю.Е. Арнаутова, А.Б. Герштейн

ВВЕДЕНИЕ 66-74

Д.Б. Кейнс

IMITATIO CHRISTI И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛИЙ 75-98

Ю.Е. Арнаутова

IMITATIO CHRISTI: ТЕОЛОГЕМА И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОДЕЛЬ В
БЕНЕДИКТИНСКОЙ АГИОГРАФИИ 99-139

М.Р. Ненарокова

МОЛИТВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ *IMITATIO CHRISTI* ДЛЯ ЧАСТ-
НОГО ЛИЦА (ПРИМЕР МЕХТИЛЬДЫ ХАКЕБОРНСКОЙ) 140-161

Мехтильда Хакеборнская

КНИГА ОСОБОЙ БЛАГОДАТИ (*пер. с лат. М.Р. Ненароковой*) 162-181

М.Г. Логутова

“ПОДРАЖАНИЕ ХРИСТУ” ФОМЫ КЕМПИЙСКОГО 182-224

А.Е. Махов

ДЬЯВОЛ – ИМИТАТОР ИЛИ АЕМУЛЯТОР БОГА? 225-238

О.И. Тогоева

ПРОРОК, МУЧЕНИЦА ИЛИ ТРИУМФАТОР? *IMITATIO CHRISTI*
В ИСТОРИИ ЖАННЫ Д’АРК (XV–XVII ВВ.) 239-257

Х. Крайсель

IMITATIO DEI В “ПУТЕВОДИТЕЛЕ РАСТЕРЯННЫХ” МАЙМОНИДА 258-309

**МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
“ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ?”**

<i>О.Е. Кошелева</i>	
ВВЕДЕНИЕ	310-314
<i>Ю.Е. Арнаутова</i>	
ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕГОДНЯ: ВЫЗОВЫ И ШАНСЫ.....	315-336
<i>П.Ш. Габдрахманов</i>	
ОБЫЧАИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФЛАНДРИИ (ПО РОДОСЛОВНЫМ СПИСКАМ АЛТАРНЫХ ТРИБУТАРИЕВ).....	337-345
<i>Ю.П. Крылова</i>	
“УЮТ ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ”, ИЛИ ОБ ОТНОШЕ- НИИ К РЕЛИГИОЗНЫМ ПРАКТИКАМ ВО ФРАНЦИИ XIV в.	346-354
<i>О.И. Тогоева</i>	
ИСТОРИЯ ПРАВА И ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ТОЧКИ ПЕРЕ- СЕЧЕНИЯ.....	355-365
<i>С.К. Цатурова</i>	
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЛАСТИ: ГРУППОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ЛИЧНЫЕ АМБИЦИИ СЛУЖИТЕЛЕЙ КОРОНЫ ФРАНЦИИ В XIII–XV вв.	366-372

**ВЕНЕЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

<i>П. Ланаро</i>	
ИНОЗЕМЦЫ В ГОРОДЕ ИНОЗЕМЦЕВ: ВЕНЕЦИЯ, XIV–XVIII вв.	373-386
<i>Н. Жечевич</i>	
<i>SERENISSIMA</i> МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И КОРРУПЦИЕЙ: СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ВНЕЦИАНСКИХ ЧИНОВНИКОВ.....	387-401

ОБРАЗ “ДРУГОГО”

<i>М.Ю. Андрейчева</i>	
МУСУЛЬМАНЕ, КАТОЛИКИ И ИУДЕИ В ЛЕТОПИСНОМ РАССКАЗЕ О ВЫБОРЕ ВЕРЫ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ: ОБРАЗЫ И СМЫСЛЫ.....	402-440

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

<i>М.Ю. Реутин</i>	
СРЕДНЕВЕКОВАЯ МИСТИКА В ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДАХ.....	
<i>Peter Dinzelsbacher. DEUTSCHE UND NIEDERLÄNDISCHE MYSTIK DES MITTELALTERS: EIN STUDIENBUCH. BERLIN; BOSTON: W. de GRUYTER, 2012. 424S.</i>	441-454

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-ЛЕТИЮ ДМИТРИЯ ЭДУАРДОВИЧА ХАРИТОНОВИЧА	455-456
---	---------

IN MEMORIAM

НЕСКОЛЬКО ПЕЧАЛЬНЫХ СООБРАЖЕНИЙ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ БОРИСА ДУБИНИНА (31.12.1946–20.08.2014).....	457-459
О БОРИСЕ И БОРХЕСЕ	459-462
SUMMARIES.....	463-470
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	471

CONTENTS

COMMEMORATING THE 90th ANNIVERSARY OF ARON YA. GUREVITCH

Mikhail L. Andreev

GUREVITCH VERSUS BATKIN: THE CONTROVERSY OF TWO
EPISTEMOLOGIES?

Leonid M. Batkin

A NOTE ON THE DIALOGIC APPROACH TO CULTURAL TEXTS

Marina Yu. Paramonova

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: MISSION AS A DUTY AND AS
AN INDIVIDUAL CHOICE

IMITATIO CHRISTI IN THE MEDIEVAL AND EARLY MODERN RELIGIOUS CULTURE

Yulia E. Arnautova, Anna B. Gerstein

INTRODUCTION

David B. Capes

IMITATIO CHRISTI AND THE GOSPEL GENRE

Yulia E. Arnautova

IMITATIO CHRISTI: A THEOLOGICAL CONCEPT AND A LITERARY
MODEL IN THE BENEDICTINE HAGIOGRAPHY

Maria R. Nenarokova

PRAYER AS A WAY OF *IMITATIO CHRISTI* FOR AN INDIVIDUAL (THE
CASE OF MECHTILDE OF HACKEBORN)

THE BOOK OF SPECIAL GRACE OF ST. MECHTILDE OF HACKEBORN
(*Transl. from Latin by Maria R. Nenarokova*)

Margarita G. Logutova

THE BOOK *DE IMITATIONE CHRISTI* BY THOMAS A KEMPIS

Alexander E. Makhov

IS THE DEVIL AN *IMITATOR* OR AN *AEMULATOR* OF GOD?

Olga I. Togoëva

PROPHET, MARTYR OR TRIUMPHATRIX? *IMITATIO CHRISTI* IN THE
HISTORY OF JOAN OF ARC (15th–17th CENTURIES)

Howard Kreisel

IMITATIO DEI IN *MAIMONIDES' GUIDE OF THE PERPLEXED*

**MATERIALS OF THE ROUND TABLE
‘CAN THE HISTORY OF MEDIEVAL EVERYDAY LIFE
BE STUDIED?’**

Olga E. Kosheleva

INTRODUCTION

Yulia E. Arnautova

THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE TODAY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Pavel Sh. Gabdrakhmanov

PRACTICES OF NAME GIVING IN FLANDERS ACCORDING TO GENEALOGIES OF *TRIBUTARII* (12th–13th CENTURIES).....

Yulia P. Krylova

“THE COMFORT OF EVERYDAY EXISTENCE”, OR ON RELIGIOUS PRACTICES IN THE 14th CENTURY FRANCE.....

Olga I. Togoeva

THE HISTORY OF LAW AND THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE: INTERSECTIONS.....

Susanna C. Tsaturova

THE EVERYDAY ROUTINE OF STATE BODIES: FRENCH ROYAL OFFICERS’ GROUP STRATEGIES AND INDIVIDUAL CLAIMS IN 13th–15th CENTURIES.....

VENICE: PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

Paola Lanaro

STRANGERS IN THE CITY OF STRANGERS: THE VENICE OF 14th–18th CENTURIES

Nada Zečević

SERENISSIMA BETWEEN POWER AND CORRUPTION: STRATEGIES OF VENETIAN OFFICIALS’ BEHAVIOUR.....

IMAGE OF THE ‘OTHER’

Marianna Y. Andreycheva

MUSLIMS, CATHOLICS AND JEWS IN THE STORY OF CHOOSING THE FAITH BY PRINCE VLADIMIR IN THE *PRIMARY CHRONICLE*: IMAGES AND MEANINGS

REVIEWS

Mikhail Y. Reutin

THE MEDIEVAL MYSTICISM IN GERMANY AND IN THE NETHERLANDS.....

Peter Dinzelbacher. Deutsche und niederländische Mystik des Mittelalters. Ein Studienbuch. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2012. 424 S.

ANNIVERSARIES

THE 70th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH KHARITONOVICH

IN MEMORIAM

A FEW SAD CONSIDERATIONS OF BORIS DUBIN'S DECEASE (31.12.1946–20.08.2014).....

ABOUT BORIS AND BORES.....

SUMMARIES.....

ABOUT THE AUTHORS.....